

Глава Павильона обронила фразу о тени старого знакомого, и та, словно огромный валун, рухнула в озеро души Линь Юньсю, подняв волны, что долго не желали утихать. Она раз за разом прокручивала эти слова в уме, почти не сомневаясь: старый знакомый, о котором говорил глава, и есть ее без вести пропавший отец — Линь Цинфэн. Это подтвердило: она на верном пути, и исчезновение отца неразрывно связано как с Павильоном Цюньсяо, так и с давними счетами секты Тайхуа.

Однако предостережение главы все еще звучало у нее в ушах. Прошлое секты и запутанные распри — это не ее ноша, да и сил у нее сейчас недостаточно, чтобы нести такой груз. В этих словах читалась и защита, и проведенная черта. Линь Юньсю прекрасно понимала: с ее нынешними силами и в облике Бай Лу пытаться докопаться до истины — все равно что биться яйцом о камень.

Оставалось лишь терпеть и ждать.

Дни текли в кажущемся спокойствии, а густая зелень гор постепенно трогалась осенней желтизной. Линь Юньсю еще усерднее погрузилась в практику, выплескивая всю скопившуюся тревогу и жажду истины в движения меча. День за днем она оттачивала Формулу Меча Текущих Вод, доводя ее до совершенства. В потоках фехтования начали проступать истинные смыслы — легкость, подобная плывущим облакам, и движение мысли, предвосхищающее удар меча. Она сама не заметила, как в попытках подражать другим и подавлять свое истинное я, ее понимание пути меча, благодаря этой чистой и монотонной работе, обрело новую, неожиданную глубину.

В тот день секта объявила об испытании для всех внешних учеников — Испытании Меча у Осеннего Омута.

Место действия — берег холодного омута за главным пиком. Вода там была темно-бирюзовой, бездонной, а вокруг высились причудливые, изрезанные скалы. Осенний ветер, пропитанный сырой прохладой омута, кружил опавшую листву, придавая месту гнетущую, суровую атмосферу.

Заданием было не поединки между учениками, а демонстрация полного комплекса Формулы Меча Текущих Вод на берегу омута. Оценивать мастерство предстояло наставнику по боевым искусствам и особо приглашенному экзаменатору. Те, кто пришел раньше, шептались, что в роли экзаменатора выступит старшая наставница Цзян Шуин.

Когда Линь Юньсю прибыла на место, там уже собралось немало внешних учеников. Все заметно нервничало, разминаясь в ожидании. Цзян Шуин и впрямь стояла в стороне. Глаза ее были прикрыты белой повязкой, а лунно-белое одеяние в сероватом свете осеннего дня казалось особенно отстраненным и печальным. Она просто стояла, невольно став центром всеобщего внимания, при этом оставаясь совершенно чуждой царящей вокруг суете.

Испытание началось. Ученики по очереди выходили вперед, чтобы показать технику под пристальными взглядами. Перед наставником еще можно было держаться, но при мысли о том,

что рядом стоит загадочная и прославленная старшая наставница, многие терялись. Движения становились скованными, ошибки следовали одна за другой. Наставник лишь качал головой, а Цзян Шуин хранила молчание, и под белой повязкой невозможно было прочесть ни единой эмоции.

Когда пришла очередь Линь Юньсю, она глубоко вдохнула, подавляя легкую дрожь, вызванную присутствием Цзян Шуин, и вышла на указанное место у берега омута.

Холодная вода отражала небо и облака, а в глубине ее дрожало хрупкое отражение самой Линь Юньсю. Она закрыла глаза, а открыв их через мгновение, видела перед собой только меч, а внутри чувствовала бесконечный, подобный течению воды, поток силы.

Она медленно начала начальную стойку.

В отличие от ежедневных тренировок, сейчас под пристальными взглядами и под незримым давлением Цзян Шуин, она вошла в состояние удивительной концентрации. Никаких лишних мыслей, никакого притворства — только каждое движение Формулы Меча Текущих Вод, словно впечатанное в глубину души, лилось само собой.

Клинок рассекал воздух, и вместо привычного свиста раздавался чистый, мелодичный звон. Ее движения и шаги менялись вместе с формулой: порой они напоминали журчание ручья, мягкое и спокойное; порой — бурлящую реку, набирающую мощь; а порой — обрушивающийся водопад, неотвратимый и неудержимый. В блеске клинка, казалось, отражалось само дыхание темной воды омута, и даже воздух вокруг начинал подергиваться рябью.

Она не использовала духовную энергию, превышающую рамки стадии Очищения Ци, но точность, с которой она управляла энергией меча, ее гармоничность и естественность заставили многих знающих учеников одобрительно кивать. Даже наставник, до этого хранивший бесстрашие, посмотрел на нее с удивлением и восхищением.

Завершив комплекс, Линь Юньсю замерла в финальной позе. Она тяжело дышала, на висках выступил пот, но взгляд был ясным, когда она посмотрела на место экзаменатора.

Наставник погладил бороду и уже хотел было дать оценку, как вдруг Цзян Шуин, все это время хранившая молчание, пошевелилась.

Она сделала шаг вперед, повернувшись к Линь Юньсю, и негромко произнесла:

— Техника меча уже обрела некоторую силу, форма и дух начали сливаться воедино. Однако...

Она запнулась и, вытянув тонкий палец, указала на поверхность омута.

— Вода не имеет постоянной формы, она принимает форму сосуда. Твой меч слишком стремится к плавности, теряя при этом гибкость и способность воды огибать камни и заполнять впадины.

Не успела она договорить, как сложила пальцы мечом и легко провела ими над водой.

Она не использовала ни капли духовной силы, но, к изумлению всех присутствующих, темные воды омута словно подчинились незримой воле. Тонкий поток воды взметнулся вслед за движением ее пальцев, извиваясь в воздухе подобно живому существу. То огибая невидимые преграды, то сливаясь с общим течением, поток менялся столь грациозно и непредсказуемо, что истинная суть текущей воды была воплощена в совершенстве!

Ученики застыли, разинув рты, даже наставник не мог скрыть восхищения.

Линь Юньсю была потрясена до глубины души. То, что показала Цзян Шуин, было уже не просто демонстрацией техники — это было прикосновение к тайному состоянию слияния духа и материи. Ее замечание попало точно в цель, в самое больное место. Чтобы играть роль Бай Лу и казаться такой, какой подобает быть этой ученице, она действительно намеренно подавляла свои собственные, более живые и гибкие порывы в фехтовании.

— Благодарю за наставление, старшая наставница! — Линь Юньсю искренне и с глубоким уважением поклонилась. В этот момент ее восхищение было чистым, лишенным мыслей о статусах — оно рождалось из стремления к недостигаемой вершине.

Цзян Шуин слегка кивнула, и взлетевший поток воды бесшумно вернулся в омут, оставив на нем круги. Она смотрела на Линь Юньсю, и казалось, что взгляд из-под белой повязки пронзает ее насквозь, достигая самой сокровитной души.

— В твоём мече, — внезапно проговорила она. Голос ее оставался холодным, но в нём проскользнула невыразимая интонация. — Скрыто нежелание мириться.

Линь Юньсю замерла, резко подняв голову.

Нежелание мириться? С чем? С судьбой? С неизвестностью, в которой остался отец? Или с тем, что приходится вечно скрывать своё истинное лицо?

Цзян Шуин... что она увидела? Почувствовала ли она через энергию меча те чувства, что невозможно было спрятать до конца?

Не дожидаясь ответа, Цзян Шуин отвела взгляд и обратилась к наставнику:

— Этот ученик достоин высшей оценки.

Сказав это, она больше не задержалась ни на миг. Развернувшись, она ушла, и белые одежды затрепетали на осеннем ветру, словно промелькнувшее видение, оставив после себя лишь гул удивленных голосов и ошеломленную, застывшую на месте Линь Юньсю.

После испытания имя Линь Юньсю стало известно всем внешним ученикам. Но радости на

сердце не было. Последние слова Цзян Шуин звучали в ее голове подобно набату.

В твоём мече скрыто нежелание мириться.

Неужели её безупречная, как ей казалось, маскировка была лишь дырявой ширмой перед глазами той, кто способен видеть нити судьбы? Может, Цзян Шуин давно разгадала, кто скрывается за личиной Бай Лу? Почему она не выдала её? Из осторожности перед главой? Или... здесь кроется иной смысл?

С того дня, тренируясь, Линь Юньсю перестала гнаться лишь за внешним сходством и плавностью. Она начала вкладывать в движения своё понимание непостоянства и стойкости воды. Её техника, оставаясь в прежних рамках, обрела неуловимую живость и твердость, подобно глубокой воде в омуте: снаружи покой, а внутри — скрытое течение.

Она не знала, привлечет ли это лишнее внимание, но поняла одно: слепое подражание лишь делает её уязвимее. В этом Павильоне Цюньсю ей нужно найти свой путь выживания — такой, чтобы и личность скрыть, и к истине шаг за шагом приближаться.

А Цзян Шуин, старшая наставница, способная разглядеть нежелание мириться в её мече, стала для неё одновременно и высокой, окутанной туманом горой, и единственным четким ориентиром, освещающим путь вперед.

Осень вступала в свои права, вода в омуте холодела. Линь Юньсю стояла на берегу, глядя на своё дрожащее отражение, и ей казалось, что она видит, как переплетаются нити их судеб с Цзян Шуин — все более четкие и все более запутанные.

<http://bllate.org/book/19401/1899876>